

## Глава 1

Лето в Наньчэне неизменно приносило с собой затяжные дожди. Стоило наступить августу, как небо разверзлось, и ливням не было видно конца.

За окном серело тусклое ненастье; тяжелые капли с шумом колотили по стеклам. В кабинете Первого класса выпускного курса школы Наньвай, залитом резким светом люминесцентных ламп, царило привычное безумие: сгрудившись за партами, ученики лихорадочно переписывали чью-то домашку.

— Сюй Цзясин, ты издеваешься? Ну и каракули! Кто, блядь, вообще разберет этот почерк?

— Ты как с отцом разговариваешь? Не хочешь — не списывай и не вякай.

— Папа, виноват, бес попутал! Слышь, батя, подгони еще английский? Я в две руки херачить буду, умоляю, спаси сыночка!

Шум грозы и гомон в классе сливались в единый гул, что явно не нравилось парню, спавшему на последней парте у окна.

Зарывшись пальцами в волосы на затылке, он раздраженно взъерошил шевелюру и нехотя выпрямился. Откинувшись на спинку стула, парень покачался на задних ножках; его руки вяло повисли, а длинные ноги лениво вытянулись под партой.

Темные аккуратные брови были недовольно изломаны, а густые ресницы бросали мягкие тени на неприлично бледную кожу.

Сюй Цзясин обернулся и мгновенно все понял: у нашего барина опять чесались кулаки от недосыпа.

— Брат Сун, проснулся? Мы слишком расшумелись?

— Угу. Терпимо.

Сюй Цзясин облегченно выдохнул:

— Но вообще, брат Сун, ты дрыхнешь все утро. Тебе домашку доделывать не надо, что ли?

Цзянь Сунъи лениво приподнял веки:

— Я похож на идиота, который делает домашнее задание?

Его хриплый со сна, раздраженный голос разнесся по кабинету. Те, кто усердно скрипел ручками над тетрадами, разом замерли и подняли головы.

В школьные годы у всех срабатывает стадный инстинкт в паре с верой в неприкосновенность отличников. Кажется, если ты нарушаешь правила за компанию с любимчиком учителей, то наказания удастся избежать.

А Цзянь Сунъи определенно был из разряда неприкасаемых любимчиков.

— Век свободы не видать! Спасибо, брат Сун, что прикрываешь нас, грешных!

— Брат Сун, когда ты забиваешь на учебу — это чистый секс.

— Мое сердечко сегодня снова бьется только ради брата Суна.

Цзянь Сунъи, будучи стопроцентно гетеросексуальным Альфой, терпеть не мог эти слащавые, полные фальшивого обожания взгляды здоровых лбов. Он опустил голову, вытащил из-под парты телефон и небрежно бросил:

— Я уже предупредил старину Бая. Школьная домашка слишком примитивная, так что я вместо нее решаю задачи для олимпиад.

«...»

Школа Наньвай по праву считалась лучшим частным лицеем города. Чтобы удерживать планку поступления в элитные вузы выше девяноста процентов, администрация выжимала из учеников все соки. Местные тесты и домашние задания легкими не бывали никогда.

На этот короткий двадцатипятидневный отпуск им всучили двадцать пять комплектов тестов — в общей сложности сто пятьдесят бланков по шести предметам, причем уровень сложности соответствовал самым зубодробительным заданиям прошлых лет.

И эта скотина сейчас заявляет, что не притронулась к тетрадам, потому что они «слишком простые»!

Как у него только язык повернулся, сука?

Класс закипел от немого бешенства.

Сам же виновник бури преспокойно уткнулся в экран смартфона.

Кажется, удачно пущенная пыль в глаза подняла ему настроение. Сонливость отступила, губы тронула нахальная ухмылка. Он покачивался на стуле, расслабленный и чертовски самодовольный, с легким налетом хулиганского обаяния.

Учитывая его слова, выглядел он сейчас как законченный пижон.

Ударить бы его.

Да силенок не хватает.

Обреченно вздохнув, одноклассники вернулись к своей каторге.

Ладно, худой мир лучше доброй ссоры, побудем великодушными.

В классе наконец воцарилась относительная тишина. Цзянь Сунъи вставил в ухо беспроводной наушник и нажал на воспроизведение аудиосообщения от своей матушки, госпожи Тан.

— Сяо И, ты уже в школе?

— Ваше руководство совсем страх потеряло! Середина августа, а они уже засадили вас за парты. Оторвали кровинушку от матери! Не переживай, как вернусь в страну, сразу накатаю жалобу в департамент образования.

— Но ты уверен, что не хочешь прилететь к нам в Лос-Анджелес? Твой отец купил здесь чудесную виллу. Солнце круглый год, собственный пляж... Мы тут просто кайфуем, только без тебя скучно.

— Может, послушаешь маму? Приезжай хоть на пару недель, а в сентябре полетим обратно вместе. Все равно для твоей учебы эти десять дней погоды не сделают.

У госпожи Тан напрочь отсутствовала тревожность, присущая родителям выпускников.

Усмехнувшись, Цзянь Сунъи потянулся было к следующему сообщению, но в этот момент задняя дверь с грохотом распахнулась.

Щуплый паренек ураганом влетел в класс, подскочил к парте Цзянь Сунъи и, тяжело дыша, оперся руками о край стола:

— Охренеть, брат Сун! Ты в курсе, что к вам в класс переводят новенького?

Цзянь Сунъи даже взгляда не поднял:

— Он придурок?

Сильные ученики в приличных школах обычно держатся за свои места зубами: в выпускном классе квоты на льготное поступление и прямые рекомендации в вузы у них уже в кармане, срываться с места сейчас — чистое безумие.

Те же, кто до такого уровня не дотягивал, переведясь в элитный профильный класс Наньвая, рисковали выйти отсюда разве что вперед ногами. Самоубийственный шаг.

Сложно представить, какому идиоту пришло в голову так усложнить себе жизнь.

Сюй Цзясин тоже недоуменно обернулся:

— Да ладно? Откуда инфа?

Чжоу Ло затараторил:

— Зуб даю! Стал бы я врать. Только что у старины Бая в кабинете краем уха услышал. Переводится из Бэйчэна. Говорят, на прошлых совместных экзаменах он стал первым по всему городу!

Слово «первый» мгновенно взбодрило притихший класс.

— С такими баллами ему место в Бэйчэнском университете или Университете Хуацин гарантировано. На кой-черт его понесло на юг?

— Без понятия, — Чжоу Ло пожал плечами.

Наблюдать за чужим ментальным харакири Цзянь Сунъи не собирался. Он проигнорировал их треп и нажал на следующую запись.

— Впрочем, если не хочешь ехать — не надо. Тут дедушка Бо звал тебя на ужин в гости на днях. Их малец наконец-то вернулся.

Палец Цзянь Сунъи замер над экраном.

Рядом продолжал жужжать Чжоу Ло:

— Так, погодите, сейчас науглю, кто там лучший по Бэйчэну... Охренеть! Ну и красавчик! Брат Сун, у вас, гениев, теперь стандарты красоты повысились? Без смазливой мордашки в отличники не берут? И имя красивое какое — Бо Хуай. Прямо как в классических стихах...

И в этот же миг из динамика наушника полился голос госпожи Тан:

— Ну, этот... Бо Хуай. Вы же в детстве были не разлей вода, помнишь?

Свежая ухмылка мгновенно сползла с лица Цзянь Сунъи.

Неприязнь Цзянь Сунъи к Бо Хуаю уходила корнями в глубокое, едва ли не младенческое детство.

Когда шестимесячный крошка Цзянь Сунъи в совершенстве освоил ползание, он решил пойти дальше и встать на ноги. Но реальность оказалась жестокой: шаг — шмяк на задницу, еще шаг — опять шмяк. Потерпев фиаско раз восемьдесят, маленький Сун-Сун не выдержал такой несправедливости, надул губы и истошно взвыл.

Годовалый карапуз Бо Хуай молча наблюдал за этой драмой целых десять минут. Наконец, отложив игрушки, он поднялся на ноги, уверенно подошел к ревущему товарищу и с невозмутимым видом изрек:

— Смотри.

Наивный младенец Цзянь Сунъи поднял заплаканную круглую мордашку и захлопал мокрыми ресницами, свято веря, что старший братик пришел его утешить.

Но брат Хуай просто взял и продемонстрировал мастер-класс: неторопливо обошел всю детскую.

Его походка была твердой, уверенной и возмутительно быстрой.

Сделав круг, Бо Хуай остановился напротив и опустил на малыша царственный, исполненный легкого презрения взор.

Вообще-то грудные дети не способны распознавать столь сложные эмоции, но Цзянь Сунъи мог поклясться: в том взгляде сквозило чистейшее пренебрежение победителя.

Этот случай нанес сокрушительный удар по его неокрепшему эго. Психологическая травма годами ширилась и крепла на почве бесконечного соперничества, пока наконец Цзянь Сунъи, совершив чудо мнемоники, не сохранил это воспоминание на целых шестнадцать лет.

Обида притупилась лишь тогда, когда пришли результаты генетического теста: Цзянь Сунъи оказался первоклассным доминантным Альфой, в то время как Бо Хуай — хрупким Омегой. Это принесло долгожданное умиротворение.

«Ладно, он всего лишь слабенький Омега. Буду выше этого», — великодушно рассудил Цзянь Сунъи, и напряжение в его плечах спало.

И тут задняя дверь хлопнула во второй раз.

На этот раз класс оглушил восторженный визг:

— О боже мой! Девчонки, держите меня! Наш новенький — Альфа! Чертовски горячий! Я мимо проходила и уловила тончайший шлейф его феромонов... Клянусь, я чуть не забеременела на месте!

Бам! — металлические ножки стула с грохотом опустились на мраморный пол.

Цзянь Сунъи резко прервал свое качание.

Сидевший рядом Чжоу Ло аж подпрыгнул на месте:

— Серьезно?! Быстрее, покажи где он! Хочу понюхать!

Но, почуяв, как за спиной сгущается ледяная аура, паренек тут же принял патриотический вид:

— Хотя... куда ему до нашего брата Суна! Вот увидите, как только он пройдет вторичное гендерное созревание, станет самым альфовым Альфой во всем Наньчэне! И без вариантов!

Повернувшись к другу, Чжоу Ло с любопытством спросил:

— Кстати, брат Сун, тебе ведь летом уже стукнуло семнадцать. Почему ты до сих пор не определился с гендером? В нашей параллели, кажется, ты один остался без вторичного пола.

Настроение Цзянь Сунъи стремительно катилось к чертям, но марку держать было необходимо:

— Сильнейшие хищники созревают медленно.

Помолчав мгновение, он веско добавил:

— Из-за избытка чистой силы.

Чжоу Ло на секунду задумался и кивнул. В этом была логика.

Они дружили с седьмого класса, и за все это время Цзянь Сунъи ни разу не уступил верхнюю строчку школьного рейтинга успеваемости. Вдобавок он отлично играл в баскетбол, умел постоять за себя кулаками, вымахал до ста восьмидесяти трех сантиметров, обладал безупречной кожей, длинными ногами и лицом ангела. А его разрез глаз — классические «глаза феникса» — заставлял трепетать сердца десятков местных Омег.

В соцсетях Наньвая даже существовал флуд-чат под лаконичным названием «Роддом для фанаток брата Суна». Туда набились не только томные Омеги и Беты, но и пара-тройка в край обнаглевших Альф, наплевавших на гордость ради призрачного шанса привлечь его внимание.

Популярность парня не знала границ.

Вспомнив об этом, Чжоу Ло кокетливо подмигнул другу:

— Брат Сун, поспеши с созреванием. Я тут вообще-то в очереди на твое сердце первый стою!

Цзянь Сунъи лениво хмыкнул:

— А если я окажусь не Альфой, сразу дашь заднюю?

— Разумеется! Нам, милым маленьким Омегам, подавай только brutальных мачо. Все остальные автоматически переходят в разряд подружек, — без обиняков выдал Чжоу Ло. — Так что спи спокойно, брат Сун: пока ты не покажешь миру свои альфа-гормоны, я храню тебе верность!

Не успел затихнуть этот бред, как у входа раздался зычный, но добродушный голос классного руководителя, старины Бая:

— Так, оболтусы, тишина! Прекращаем жевать, прячем телефоны. Списывальщики на галерке — ручки на стол и слушаем меня внимательно. У меня для вас две важные новости. Первая: в нашем классе пополнение...

Десятки пар глаз мгновенно уставились на дверной проем. Один лишь Цзянь Сунъи продолжал безучастно ковыряться в телефоне с каменным лицом.

Было бы на кого смотреть. Будто там покарают кого-то краше него.

Но тут сидевший рядом Чжоу Ло шумно сглотнул:

— Слышь, брат Сун... Извини, кажись, верности пришел конец. Перед таким я устоять физически не смогу.

«...»

Цзянь Сунъи почувствовал себя глубоко оскорбленным.

Нахмурившись, он нехотя поднял голову.

За окном все так же хлестал ливень, сгущая серые сумерки, а в классе под слепящим светом ламп царило гробовое молчание.

На пороге, прямо на стыке света и тени, стоял высокий, стройный юноша. На его бледном лице застыло выражение полнейшего равнодушия. Яркие блики люминесцентных ламп ложились на его алебастровую кожу, придавая фарфоровый блеск тонким, резким чертам. Во всем его облике сквозила холодная, почти осязаемая отстраненность.

На переносице аккуратно сидели очки в тонкой золотой оправе, делая взгляд его янтарных глаз еще более бесстрастным. Воротничок белоснежной рубашки был застегнут на все пуговицы, туго обхватывая шею и подчеркивая выступающий кадык.

Эта нарочитая строгость лишь разжигала порочное любопытство, а крошечная родинка у внешнего уголка левого глаза придавала ему вид утонченного мерзавца из хорошей семьи.

Короче говоря, раздражал он с первого взгляда.

Цзянь Сунъи ощутил, как внутри вскипает глухое раздражение.

А когда у него портилось настроение, он очень любил портить его окружающим.

Пальцы парня лениво постучали по парте. Он заговорил — тихо, с характерной сонной хрипотцой:

— Чжоу Ло, со вкусом у тебя, я погляжу, совсем беда.

Слова прозвучали негромко, но в абсолютной тишине класса их отчетливо расслышал каждый. Включая стоявшего у доски новенького.

<http://bllate.org/book/20583/2105871>